

— Мало того, что шоколад мой стащил, так ещё и облапать меня лезешь...

Дождь прекратился, тучи потихоньку рассеивались ветром. Этим вечером повторного дождя не предвиделось, так что смело можно было готовить. Лапшой в полдень бедолаги явно не насытились, поэтому, хоть из ингредиентов имелись только ветчинные колбаски и уже подтаявшие куриные крылышки, а из приправ — соль, они решили пожарить всё на гриле. Хо Жань нашёл собранное другими туристами костровище и вычистил оттуда золу:

— Я пойду веток поищу. Там, где не сыро, есть сухие.

— Опять в лес полезешь? — спросила из палатки Коу Сяо. Она отказывалась выходить наружу, пока не будет готова еда, а то мало ли, деревенские вернутся, нанесут внезапный смертельный удар и посягнут на неё.

— М-м. Всё нормально, я поблизости буду искать. Огня для колбасок и крылышек много не понадобится, а лапшу в кастрюле сварим.

— Я с тобой, — резво ответил Коу Чэнь и схватил телескопическую дубинку, которую Хо Жань положил на землю.

— Ты...

— Альпеншток возьмёшь, — оборвал его Коу Чэнь и, с наглым видом размахивая дубинкой, направился в сторону леса. — В моих руках она полезней будет.

Хо Жань промолчал, но взял альпеншток и последовал за ним.

Слова Коу Чэня были не лишены доли правды — к длинному списку драк добавьте ещё более длинный список полученных дюлей. Всё-таки, его в четырёхлетнем возрасте и молотили, и прибивали к ограде гвоздем, и чуть не фаршировали на колбасу. Весьма богатый жизненный опыт.

Если бы по лесу не шастали странноватые деревенские мужики, сухих веток без проблем можно было набрать на опушке леса, что могла сделать даже Коу Сяо при желании. Но в процессе сбора веток у Хо Жаня вдруг возникло обманчивое ощущение, что он доблестно служит согражданам, защищая их от опасности.

Коу Чэнь раскрыл дубинку и разворошил ею сучья:

— Эти сгодятся?

— Да, некоторые можно разломить и проверить. Если кора сырая, а внутри сухо, тоже подбирай.

Коу Чэнь искал растопку с великим рвением, вероятно, движимый предстоящим ужином на гриле. За короткое время он собрал большую кипу и отнёс её в лагерь. Хо Жань тоже набрал кучу и, когда выходил из леса, остановился и оглянулся назад.

В дикой природе он не боялся призраков — в дикой природе их не бывает —, но ему было как-то не по себе. То ли причина в навешанных на него чайниках, то ли в тех деревенских. Время от времени ему казалось, что позади кто-то прячется и следит за ним. Но сейчас менять лагерь было нецелесообразно и небезопасно. Следующее место, подходящее для ночлега, находилось

в двух часах ходьбы как минимум.

Лао-Ян уже начал кипятить воду для лапши. Увидев ветки, которые они принесли, он немного забеспокоился:

— Там есть сырые, мы сможем их зажечь?

— Сможем, без проблем, — заверил Хо Жань и достал из рюкзака две длинные щепки и металлическую трубку.

— Это чё? Ты спички взял? — любопытно спросил Коу Чэнь.

Одна из положительных сторон Коу Чэня заключалась в том, что при всём своём показушничестве он никогда не строил из себя знатока. О вещи, которой никогда не видел, или её непонятном предназначении он обязательно спросит.

— Ша, позволь тебе продемонстрировать. На будущее тебе, чтобы повыёбывался, — это называется сосновая лучина... — Хо Жань повертел лучинами.

— Стой. — Коу Чэнь быстро отнял у него лучины с трубкой и сфотографировал. — Сначала сфоткать.

— Сосновая лучина, также известная как факел из сосновых щепок. Горную сосну разделяют на щепы, в них много смолы, что отлично подходит для растопки, и лучины компактны для

ноши. — Поделившись информацией, Хо Жань забрал у Коу Чэня трубку и со щелчком надавил на кнопку. Из дула трубки вырвалось пламя. — Это пьезозажигалка, вид зажигалки.

Он поджёг сосновую лучину, а ею ветки, и вскоре запыхал костёр.

Коу Чэнь посмотрел на Хо Жэня:

— Бля.

Хо Жань долго ждал, что последует за этими словами, но, не дождавшись, нахмурил брови и посмотрел на него в ответ:

— Что, не очень?

Коу Чэнь оторопел на мгновение и рассмеялся:

— Ты бы видел свой вытянутый еблет. С виду грустняш, а на деле не такой безобидный.

Хо Жань улыбнулся:

— Всё, давайте жарить. Там палочки лежат, оставил кто-то, их и используем.

Лао-Ян заколебался:

— Они уже использованные? Гадость же.

— Ты, когда жарить шашлыки, облизываешь шампуры?

— Я чё, дурак, чтобы их оближивать? — рассмеялся Лао Ян.

— А почему гадость тогда? — Хо Жань достал спиртовые салфетки в индивидуальных упаковках. — Протёр и всё, каких-то особых загрязнений на них нет. Обугленные, правда. Микробов при обжаривании почти всех убило.

— Давайте уже. — Коу Чэнь, раздражённый предвкушением, собирал шпажки, брошенные в расщелины камней. — Мне ещё не приходилось кушать такого незатейливого шашлындоса.

Однако из-за незатейливых инструментов вкус шашлыка был тоже незатейлив: колбаски получились сносными, притом без специй, но посыпанные одной солью куриные крылышки были не такими вкусными.

Коу Сяо, учуяв запах шашлыка, вылезла из палатки, получила куриное крылышко, откусила мясо и вздохнула:

— Если такое в шашлычном ресторане подадут, лаобай обязан отказаться от платы.

— Поперчить бы, и вообще отпад будет, — вздохнул Лао-Ян.

— А приправа от бэпэ? — напомнил Хо Жань. — Утром, когда ели, разве не осталось излишка? Посыпьте им.

— Ай, ты такой смышлёныш, тебя надо титуловать повелителем выживал-одиночек, — похвалила его Коу Сяо. Они с Лао-Яном начали посыпать куриные крылышки приправой для лапши быстрого приготовления.

— Ясно теперь, почему Хэ Хуа только колбаски жарит, — прошептал Коу Чэнь. — Остальное на огне нифига несъедобное.

— Угу, — заулыбался Хо Жань.

— Я не видел её после драки. Интересно, она обвинит меня в том, что я вмешиваюсь? И как это скажется на её ночной жарке колбасок?

— Если она хочет дальше их жарить, никому не будет до этого дела, — прошептал Хо Жань. — Проблему необходимо было устранить. Если бы мы не сунулись, Ли Цзяин со своими не остановились бы, а остальные просто закрыли бы глаза, и это отвратительно. «Моя хата с краю» — самая губительная позиция.

Коу Чэнь задержал на нём взгляд.

— Что? — спросил Хо Жань.

— Какой порядочный, благочестивый молодой человек.

— Не такой благочестивый, как ты. Я сначала не хотел вмешиваться и присоединился только после того, как ты полез. Если подумать, это очень здоровски.

— Ага, — кивнул Коу Чэнь.

Когда все поели шашлыка и лапши, Коу Сяо понесла кастрюлю и чашки к воде. Намывая посуду, она ворчала себе под нос:

— Я вообще кто? Старшая молодая госпожа я, вот кто. И почему корячусь здесь, мою посуду, а эти долбоящеры наелись и прохлаждаются? А главное — почему мою посуду я?

Подошёл Лао-Ян и хихикнул.

— Я помогу тебе.

Небо уже темнело, так что Хо Жань вытащил аккумуляторные фонари и повесил их у палаток. Когда повернул голову, заметил движение со стороны, откуда они пришли в лагерь, и людей. Он занервничал, но затем, увидев у идущего впереди всех человека рюкзак, вздохнул с облегчением. К нему подбежал взволнованный Коу Чэнь:

— Кто-то идёт!

— Это туристы. У них рюкзаки за спинами...

— Хэлло-о-оу, — к их облегчению сказал один из подошедших людей и помахал.

— О, хэлло-о-оу. — Коу Чэнь помахал в ответ.

Всего их было шестеро, три парочки, и на первый взгляд новички — палатки начали ставить в наветренную сторону и тележились больше десяти минут.

— Не хочешь им помочь? — спросил Коу Чэнь Хо Жаня, который ел шоколадку рядом с ним.

— Не хочу. Не видишь, что ли, как парни трудятся, пытаются себя показать? Как будет расцениваться, если я вклинюсь со своей помощью? Некрасиво получится, я их опозорю перед девушками.

Коу Чэнь рассмеялся:

— Красиво пиздишь, а сам наслаждаешься видом полыхающих задов неумех.

— Как и ты. — Хо Жань тоже усмехнулся. — Давай ещё посмотрим, если через двадцать минут дальше будут копать, помогу.

За двадцать минут, наконец, поставили две палатки и принялись за третью. Хо Жань встал, потянулся и посмотрел на лес.

— Что там? — сразу всполошился Коу Чэнь.

— Ничего. — Хо Жань медленно приблизился к краю леса и остановился. — Я здесь много раз бывал, но никогда ещё не было такого чувства.

— Какого чувства? Что на сердце не спокойно, ты имеешь в виду?

— Это, наверное, чувство давления, когда на плечи ложится безопасность трёх неумех. Угу, точно, оно самое, — кивнул Хо Жань.

— Ты ведь не гид, не руководитель отряда и не организатор. Ты просто несовершеннолетний, который составляет компанию в походе. Как тебя можно винить, если что-то произойдёт... А что может произойти?

— Вдруг ногу кто-нибудь подвернёт или что-то ещё. Маршрут не сказать, что сложный, что ещё такого может произойти?

Коу Чэнь посмотрел на лес.

— Ты беспокоишься из-за деревенских, да?

Хо Жань не отвечал.

— Деревенские в лесу либо скот пасут, либо дичь ищат, либо, как ты сказал, проверяют капканы. Вот только те мужики явно не за этим шарятся, у них были палки и верёвки. Верёвки из тех, которыми скота привязывают, но не использованные, а новёхонькие, — размышлял Коу Чэнь.

Хо Жань повернулся к нему, и он продолжил:

— Если потерялся рогатый скот или мелкий, что-то многовато людей для поисков вышло, и это не говоря о верёвках и палках. И если курей или другую мелкую скотину растеряли, почему не спросили нас, не видели ли мы их?

— Хуя се, — тихо удивился Хо Жань. — Ты, оказывается, не тупой?

— В каком это месте я тупой? — Коу Чэнь указал на своё лицо: — Помимо того, что я возмутительно красив, какие у меня ещё недостатки? Сучара, я тебя шоколадками за просто

так кормлю, и ты принимаешь меня за тупого?

Хо Жань всмотрелся ему в лицо и, вздохнув, отправился к палатке:

— Ладно, пора умыться и готовиться ко сну. Пока погода располагает и не совсем похолодало. Завтра встаём рано, иначе растянем время и не доберёмся к вечеру до Лаосикоу.

— Это который заброшенный лагерь?

— Угу. По пути ещё нужно пополнить запасы и сделать небольшой крюк, но когда прибудем в лагерь, почувствуем себя намного комфортнее. Там и вода есть, и домики, построенные из дерева, и деревенские, бывает, продают там выпивку.

— И кровати есть?

— Окстись, какие кровати? Лагерь заброшен, алё! И причём давно, там окон даже нет. Примитивная крыша над головой, а в разгар сезона так вообще сложно хотя бы стремнейшую из лачуг урвать.

Парочки, должно быть, поужинали до прихода в лагерь, поэтому разошлись по своим палаткам и больше не выходили. Лао-Ян и Коу Сяо почистили зубы и сели у входа в палатку, задрав головы вверх. Коу Чэнь подошёл к ним и тоже поднял голову.

— Красотища, — сказала Коу Сяо.

— Точно, и впрямь, — согласился Лао-Ян.

— Я вижу Млечный Путь.

— Ага, а туманность вон ещё.

Коу Чэнь потёр глаза:

— Я что, слепой?

— Иди в пень, — ответила Коу Сяо.

— Где эти ваши красоты, туманности и Млечный Путь?

— В наших сердцах.

Лао-Ян больше не мог сохранять невозмутимость и рассмеялся.

— Упарывайтесь и дальше. — Коу Чэнь отвернулся и потопал обратно к их с Хо Жанем палатке.
— Двинутые, скажи же?

Хо Жань не мог не рассмеяться:

— Любовь у них, чё докопался?

Коу Сяо и Лао-Ян долго не задержались на улице. Как только стемнело, поднялся ветер, температура очень быстро упала, и они с фонарём нырнули в палатку, продолжая болтать там.

Коу Чэнь стоял у их с Хо Жанем палатки, глядя в сторону притихшего лагеря новоприбывших, откуда доносились перешёптывания.

— М-да, заебись.

— Чего ты? — спросил Хо Жань, присоединяя телефон к пауэрбанку.

— Да как-то неловко. Попиздовал в поход, и на тебе: кругом одни парочки, заныкались по палаткам.

— И в чём неловкость? Стало холодно, почему бы не заныкаться? Никто тебя не заставляет стоять на карауле.

— Не неловко, считаешь? — Коу Чэнь пригнулся, забрался в палатку и сел, скрестив ноги. — Ну вот подумай, эти псины непотребные, чем они могут щас заниматься, потом и вообще всю ночь?

Хо Жань оторопел:

— А ты не слишком много думаешь? Они в отношениях, и то, чем они занимаются, тебя касаться не должно. И раз тебе неловко, и тебя это так достаёт, тоже займись этим...

По лицу Коу Чэня расплзлась улыбка:

— С кем предлагаешь мне заняться этим*?

*Хо Жань и Коу Чэнь употребили в разговоре глагол 玩, дословно — заниматься, это составная часть вопроса «怎么玩» (зачем? чем занимается?), но также у 玩 есть слэнговое значение — трахать

Хо Жань почувствовал, что что-то не так. После сказанного Коу Чэнем он так сильно рассмеялся, что чуть не задохнулся:

— Моя кандидатура подойдёт?

— Да ну тебя, — махнул рукой Коу Чэнь, — ты даже на мой зад боишься взглянуть, падла.

— На хуй пошёл! — Хо Жань залез в палатку и толкнул его. — Дай пролезть.

— Ура, время ночных посиделок! — обрадовался Коу Чэнь. — Я ещё не расстилал спальный мешок, может, мне его заранее надо было опробовать и проверить?

— Чё ты щас проверять собрался? — Хо Жань повесил фонарь на петельку вверху палатки. — Будешь спать в нём, даже если не подойдёт.

— Если не подойдёт, я в твоём посплю! — Коу Чэнь уже шустренько снимал одежду.

Хо Жань даже не успел его остановить — он в три счёта разделся до нижнего белья, затем бросился к рюкзаку и начал рыться в нём.

— Сходи как-нибудь проверь свой айкью, ладно? — Хо Жань уставился на половину Мрачного жнеца, выглядывающего из трусов Коу Чэня. — Ты в курсе, сколько щас градусов? Может, ещё выйдешь, побегаешь голышом? Мрачный жнец тебя оживит...

— С-сука-а-а. — Коу Чэнь со злостью перевернул рюкзак и встряхнул его, вываливая на пол все вещи. — Я сдохну щас от холода, эта палатка разве не утолщённая?

— Утолщённая она! Но без подогрева. — Посмотрев на его дёргания, Хо Жань достал из кучи вещей спальник, быстро распаковал и расстелил. — Залезай!

Коу Чэнь рванулся к нему и мигом забрался в спальник. Застыл на какое-то время, после чего расслабился и с наслаждением потянулся:

— Пойдѐ-ѐт. Он рассчитан на минус пятнадцать?

— Угу. — Хо Жань сел рядом с ним. — Сейчас, в принципе, в таких утеплѐнных нет нужды.

— Я мерзлячий. — Счастливый Коу Чэнь затянул шнурок на спальнике и закрыл лицо так, что остались снаружи только его нос и глаза.

— Тогда зачем догола разделся? — Хо Жань увидел коробочную упаковку шоколада, что выпала из рюкзака, потянулся к ней и открыл.

— Э, втихаря хочешь слопать? — Коу Чэнь, так и закутанный в спальник, сел, высунул из щѐлочки руку и указал на него: — Ты смеешь обирать меня?

— Ага. — Хо Жань взял одну шоколадку, запихал её в рот, сняв обѐртку, и посмотрел на него.

— Я убью тебя... — Коу Чэнь попытался вытянуть руку во всю длину, но не смог, так как она застряла между головой и отверстием. — Бляха, этот шнурок не тянется? А если ночью надо будет что-то взять, его развязывать придѐтся?

Хо Жань расстегнул маленькую молнию на боку спальника, проскользнул рукой внутрь и сжал ногу Коу Чэня.

— Весело тебе, да?! — Коу Чэнь спрятал руку и схватился ею за руку Хо Жаня, потревожившую его ногу. — Мало того, что шоколад мой стащил, так ещё и облапать меня лезешь...

Хо Жань убрал руку:

— Сохрани хоть немного лица!

Коу Чэнь просунул руку в отверстие и помахал ему:

— Не-а. Такое лицо считае...

Его фразу прервал женский голос, раздавшийся на улице.

Коу Чэнь с Хо Жанем оцепенели. Они прислушались и поняли, что это пение, причём не очень мелодичное, и нельзя было разобрать, что именно поют.

— Это твоя сестра? — спросил Хо Жань.

— Цзе в универе заняла как-то второе место в десятке лучших исполнителей города, — сказал Коу Чэнь и указал вправо: — Может, кто-то из непотребных псин?

Хо Жань указал в противоположном направлении:

— Голос оттуда идёт.

— Из леса? — шёпотом спросил Коу Чэнь.

— Да.

<http://bllate.org/book/14311/1266988>